

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А. В. Костина¹

Аннотация: Особенности этнической культуры складывались исторически на протяжении весьма длительного времени. Они определяются условиями существования этнических общностей. В эпохи складывания, функционирования – главным для этносов и этнических отношений было воспроизводство традиции, сохранность. В современности, в ситуации динамического взаимодействия этнических культур, актуализировались новые формы взаимоотношений между ними, появились новые качества этнических групп.

Ключевые слова: этнос, этническая культура, этническое самосознание, этническая идентификация, самовоспроизводство, этноцентризм, современные условия.

THE ETHNIC CULTURE: SPECIFICITY OF DEVELOPMENT IN MODERN WORLD

A. V. Kostina

Abstract: Features of ethnic culture developed for historically rather long time. They are defined by living conditions of ethnic community. During the epochs of forming and functioning the main problem for ethnos and ethnic relations was reproduction of tradition and safety. In the present, in a situation of dynamic interaction between the ethnic cultures, new forms of mutual relations between them were staticized, new qualities of ethnic groups appeared.

Keywords: Ethnos, ethnic culture, ethnic consciousness, ethnic identification, self-reproduction, ethnocentrism, modern conditions.

Развитие этнических групп – это процесс во многом объективный, напрямую связанный со взаимообусловленностью этностимулирующих и этностагнирующих факторов. Среди последних наиболее существенным является понижение уровня социальной мобильности, обу-

¹ Костина Анна Владимировна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии Московского гуманитарного университета.

Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/118-ethnic-culture.html

словленной существованием внутри этноса сословных, кастовых или иных перегородок. Они затрудняют межсословные связи и препятствуют формированию общеэтнических культурных характеристик. Причем, данная закономерность проявляет себя не только на уровне истории конкретных народов, но и на уровне развития человечества в целом. Так, в эпоху Средневековья поддержанию и развитию этноса противодействовали натурализация хозяйства и отсутствие связи между мелкими сельскими общинами, а также сословная система, акцентирующая в индивиде черты его социальной принадлежности, которые оказывались гораздо более маркирующими, чем признаки его этнической принадлежности.

Активное же развитие этний происходит в момент повышения социальной динамичности общества. Так было в Греции, Риме и Китае после реформ, соответственно, Солона, Сервия Туллия и Шан Яна. В это время иерархическая структура общества, выстроенная по принципам наследования, сменилась на иерархию, основанную на владении материальными ресурсами. Резкая активизация этнических отношений характерна и для периода становления буржуазного общества, в котором налаживанию устойчивых «горизонтальных связей» внутри этнических общностей способствуют преодоление региональной обособленности и развитие рыночных отношений¹.

Этнографы выдвигают данный принцип функционирования этний в качестве основания для исторической типологии. Так, эпохе первобытности соответствуют архаические общности с их низким уровнем выраженности этнического самосознания, что часто проявляется в отсутствие самоназваний. Эпохе рабовладения соответствуют древние этнические группы, обладающие отчетливо выраженным этническим самосознанием, что находит выражение в разделении людей на «нас» и «варваров». Средневековые этнии, развивающиеся в эпоху феодализма,

не обладают яркой спецификой, утрачивают свой дискретный характер и характеризуются вытеснением этнических связей социальными связями. Напротив, этнические группы, формирующиеся в Новое время, отличаются четкой выраженностью своих свойств, что сопровождается формированием принципиально новых компонентов этнического самосознания².

Этническая культура обладает целым рядом ярко выраженных особенностей. Характеристики этой культуры определяются, прежде всего, типом экономического и социального развития, представляющего натуральное хозяйство с отсутствующими или слабо развитыми товарными отношениями и жесткой иерархической стратификацией общества. Основной формой организации социальных отношений здесь становится община. Как совокупность форм человеческой деятельности, обретенных знаний, образов самопознания и символических обозначений окружающего мира, этническая культура выступает в качестве структурообразующей основы этноса, обеспечивающей его целостность и способность к автономному устойчивому развитию³. В рамках этнической культуры формируется этническое самосознание и историческая память, способность воспринимать собственный мир как уникальный и неповторимый, стремление сохранять этот мир через систему традиции. Подобная настроенность на самовоспроизводство проявляется в неизменности картины мира, в устойчивых стереотипах восприятия действительности, в стабильных образцах социальной активности, в особой нормативности. Эта нормативность способствует возобновлению общественных форм поведения, ценностных установок и идей и создает условия для поддержания в равновесии уже функционирующей социальной системы.

Существенной особенностью этнического самосознания является подчеркивание, акцентирование генетического родства представителей

определенной этнической группы, а также территориального единства, связанного с обладанием общей территорией. Подобное восприятие лежит в основе этнической самоидентификации. Однако важно подчеркнуть другое – то, что в рамках этнической культуры этот признак не является доминирующим, и идентификация здесь осуществляется не только по генетическому родству, но и по *представлениям* человека и коллектива об этой генетической связи.

Такую же определяющую роль в формировании и цементировании этноса играют вероисповедание и язык. Язык при этом представляет собой не только наиболее важный инструмент социализации и постижения мира, связанный с внешней коммуникацией и с процессом мышления. Язык как «материнский язык» здесь становится средством эмоциональной связи с общиной. Это «материнское» свойство языка придает ему характер исключительности в ситуации конкуренции с другими языками, которая обостряется в период вторичной социализации в том случае, если родной, «материнский» язык не совпадает с тем, на котором основана доминирующая «высокая культура»⁴, именно поэтому представители этноса часто идентифицируют себя именно по языку и религии. Это иллюстрирует и тот факт, что содержание понятия «русский» включает как значение «великоросс» – то есть, русский по рождению, по крови, так и «русскоязычный» – то есть, принадлежащий русскому миру. Если же говорить о генетическом факторе, то для этнического самосознания важно, чьим потомком считает себя человек, а не чьим потомком он является на самом деле.

К примеру, юг Башкирии населен тремя народами – башкирами и татарами, принадлежащими к числу тюркоязычных народов и исповедующими ислам, и русскими, исповедующими православие. Между тремя указанными этносами существует разная культурная дистанция. Впервые феномен культурной дистанции был описан А. Фэрнхемом и

С. Бочнером и в дальнейшем преимущественно изучался различными исследователями в рамках парадигмы «культурного шока». Для исследования этого явления психологом Бабикером совместно с другими исследователями был предложен специальный индекс культурной дистанции (CDI), фиксирующий объективные различия между культурами (например, различия в климате, одежде, религии, проведении досуга)⁵. Исследователи выявили, что культурная дистанция между татарами и башкирами меньше, чем между русскими и башкирами или русскими и татарами. Между тем, несмотря на объективные генетические и культурные различия, как отмечает А. Н. Татарко, рассмотрение субъективных семантических пространств межэтнических отношений позволяет говорить о том, что башкиры и татары склонны, на уровне установок, воспринимать свои народы схожими с русским народом, а эмоциональная окраска установок башкир и татар по отношению к русским схожа с эмоциональной окраской установок по отношению к собственным этносам. Более того, несмотря на близкую культурную дистанцию, эти народы склонны, скорее, проявлять сходство в эмоциональной оценке своего народа с русскими, а не друг с другом⁶.

Особенности этнической культуры складывались исторически на протяжении весьма длительного времени. Они определяются условиями функционирования этнических общностей, где минимальной изменчивости социально-экономических отношений соответствовала существенная инертность информационной среды, наилучшим образом отвечавшая задачам сохранения общественной системы. Естественно, эта система стремилась к самовоспроизводству, стабильности, неизменности, так как информация, заключенная в ней, являлась гарантом выживания первичного коллектива. Традиция здесь, безусловно, преобладала над новаторством, хотя и не исключала его полностью, а неактуальная или деструктивная информация после тщательного ее отбора,

филтрации и анализа предавалась «суду истории», затиралась, переосмысливалась. Объем этой информации был достаточен для поддержания системы, но ограничен естественными пределами человеческой памяти, пусть даже представляющей в коллективном варианте. Новая информация в границах данной системы воспринималась как деструктивная, как способная уничтожить, затереть, хаотизировать предшествующий информационный комплекс.

Этим отчасти объясняется достаточная закрытость этнической культуры, где одним из проявлений самосознания становится этноцентризм – специфическое свойство всех носителей этнического самосознания (от индивида до социальных общностей) воспринимать и оценивать жизненные явления, ориентируясь на собственную традицию и выработанные собственной этнической культурой смыслы, значения и ценности, которые выступают в качестве некоего всеобщего эталона. Поэтому внутригрупповое общение характеризуется здесь отношениями солидарности перед лицом внешнего мира. Отношения же межэтнические характеризуются подозрительностью и недоверием, где весь мир разделяется по принципу «мы – они». Конечно, эту составляющую нельзя абсолютизировать, а межэтнические контакты могут быть не только враждебными, но и дружественными. Связано это, прежде всего, со степенью интенсивности и направленности этих культурных контактов, развивающихся в конкретных исторических обстоятельствах.

Оппозиционность, приводящая к маркированию «мы – они», «свои – чужие», весьма часто провоцируется социальной нестабильностью, связанной с экономическими, политическими или иными факторами. Она часто вызывает то состояние напряженности народа, которое исследователи называют «комплексом жертвы». По убеждению Л. Гудкова, комплекс жертвы выступает в качестве особого, весьма эффективного механизма придания себе ценности. Автор исследовал эту пробле-

му на примере русских, у которых, по его мнению, доминируют «коллективные представления (...) о себе как объекте чужого, внешнего воздействия» – варягов, татар, самодержавия, большевиков и т.д., что и приводит к формированию комплекса «жертвы», причем, как утверждает автор, предшествующего появлению самого «насильника»⁷. Автор в этом тезисе отталкивается от наблюдений относительно особой гордости людей за победу в Великой Отечественной войне и за то, что здесь народ не выступил в качестве агрессора, отражая лишь нападение врага. Данное мнение представляется излишне категоричным и не вполне обоснованным, так как автор трактует как комплекс миролюбие этого народа, по нашему убеждению, определяемое многовековым соседством с многими иными народностями и этническими общностями, с которыми русских связывала общая историческая судьба.

Гораздо более глубокие, на наш взгляд, выводы содержатся в работе Л. В. Сагитовой, исследующей эту проблему на материале республики Татарстан. Автор отмечает, что в 1990-е годы обсуждение отношений центральной и республиканской власти зачастую сводилось к поиску виновной стороны, которой в татарской прессе оказывалось российское государство. Именно в этот период особенно сильно звучал «мотив жертвы». Автор рассматривает в качестве примера своего рода квинтэссенцию подобных публикаций, звучавших довольно часто на страницах республиканской прессы: «Государства – нет. Язык – в упадке. Нет ни национальной армии, ни национального банка, наша религия, можно сказать, только, что оправилась от долгой клинической смерти. Что касается образования – всего 7% татарских детей обучается на родном языке. Славный некогда град Казань ... представляет собой ... настоящие развалины. Вместо нефтяного богатства нам достались его издержки: химизация, загрязненность почвы, землетрясения, спровоцированные нещадной и вульгарной эксплуатацией на-

ших природных богатств, наконец, чувство опустошенности в нас самих». В публикации присутствует еще один виновный: «Известно, что татарский народ славен как народ активный, работающий, созидательный. Но все чаще и чаще в наш народ проникают ... такие пороки как лень, пьянство, безразличие».

Таким образом, оппозиция «государство (российское) – республика (Татарстан)» накладывается на этническую оппозицию «мы – они» и усиливается ей. Автор прослеживает динамику подобного самоощущения и приходит к выводу относительно того, что в результате улучшения качества жизни изменилось и восприятие этой оппозиции, сразу же повлиявшее и на тон подачи данной темы: «Контент-анализ сегодняшней прессы (2001-2002 гг.) показал, что, хотя «мотив жертвы» продолжает сохранять актуальность, но звучит гораздо реже. За год в прессе прошла всего одна статья с подобным содержанием, где противопоставлялись менталитеты народов и языковые системы». Автор делает вывод о том, что мотив жертвы, в определенном смысле, является архетипической моделью, он конструирует положительный автостереотип, закрепляя ценность этнического республиканского самосознания, который воспроизводится в период обострения социальных проблем⁸.

Конечно, интеграция народов в различных странах происходит по-разному, и стереотип «свой – чужой» наполняется в зависимости от обстоятельств различным содержанием. Если говорить об армянах, то наибольшее количество армян, которые полностью интегрировались в структуры культуры-реципиента, находится в США и России, а также в Турции, где они приняли мусульманство и практически ассимилировались в культурном отношении. Большое количество армян, интегрированных в местное общество, проживает в Иране, Сирии, странах Ближнего Востока. Обычно проживающие в данных областях армяне называются в Армении Ахпар и обладают несколько отличным наре-

чием армянского языка и различаются в социально-культурном отношении. При этом армяне демонстрируют как бы двойную идентичность – приобретенную и собственную, традиционную, что позволяет некоторым авторам оценивать непризнание возможности двойного гражданства правительством Армении как «большую ошибку», так как этим действием государство «отсекает от себя значимую часть армянского народа, не утратившего свою этническую идентичность в диаспоре»⁹.

Эти различия в восприятии собственного этноса и эмоциональность реакций на «своего» и «чужого» влияют на качество этнической идентификации. В соответствии с этими различиями сегодня принято выделять несколько ее типов¹⁰:

- нормальная идентичность, где образ народа воспринимается положительно, но уровень консолидации с ним зависит от конкретных обстоятельств и может развиваться как в направлении нарастания, так и в направлении угасания;

- этноцентрическая идентичность, основанная на традиционализме и изоляционизме, где доминирует некритическое восприятие собственного этноса как образцового;

- этнодоминирующая идентичность, где этническая принадлежность воспринимается как безусловная доминирующая ценность, а «права народа» признаются выше «прав человека», что сопровождается дискриминационными установками в отношении иных народностей, признанием правомерности «этнических чисток», стремлением сохранить «чистоту этнического генотипа»;

- этнический фанатизм, выступающий в качестве крайней формы агрессивной идентичности;

- этническая индифферентность, где этническая принадлежность не влияет на поведение человека, выбор его решений, отношения с другими людьми;

- этнонигилизм (космополитизм), основанный на игнорировании этнокультурных отличий;

- амбивалентная идентичность, отличающаяся не выраженностью и характерная для полиэтнической среды.

Таким образом, восприятие человеком своей причастности к этносу и степень его отождествления с этнической общностью существенно различаются. Шкала этих различий предельно широка – от игнорирования собственной этничности до ее акцентирования и принятия в качестве единственного маркера, позволяющего проводить грань между «своими» и «чужими». И несмотря на то, что современному миру с момента формирования наций было присуще нейтральное отношение к этничности, актуальность которой сглаживалась гражданством, это свойство этноса резко ограничивать собственное пространство через негативное противопоставление иным культурным мирам вновь стало востребованным в эпоху «этнического ренессанса».

Этноцентризм является родовым качеством этноса, сформировавшимся уже на самых ранних ступенях общественного развития. Представление о врожденной, непреодолимой противоположности собственной и всех иных общностей было присуще уже древним общностям и сформировалось в эпоху Античности. Деление всех людей на «нас» и варваров «с лицом человека и сердцем зверя», несмотря на то, что является исключительно феноменом сознания, обладает существенной устойчивостью. И если в эпоху архаики оно означало восприятие человечества как состоящего из двух неравных частей, то в современных условиях эта антитеза впервые получает четкое выражение идеи единства человеческого рода¹¹, где собственная общность рас-

смачивается как одна из множества подобных. Между тем, подобное осознание порождает иную дихотомию, связанную с декларацией превосходства собственного этноса над всеми другими.

Этноцентризм выступает одним из признаков этнического сознания и проявляется в качестве сложной совокупности социальных, политических, экономических, нравственных, эстетических, философских, религиозных и других взглядов и убеждений, которые свойственны представителям конкретного этноса¹². Содержание этнического сознания во многом определяется содержанием этнических стереотипов, которые, как и социальные стереотипы, усваиваются очень рано, трудно поддаются изменениям, являются грубыми и недифференцированными, с легкостью проявляются и становятся более «отчетливыми» и враждебными, когда возникает социальная напряженность между группами, и служат для экономии усилий при восприятии сложных социальных объектов¹³. Выделяется два вида этнических стереотипов - автостереотипы (представления о своем народе, как правило, позитивные) и гетеростереотипы (представления об этнопсихологическом облике другого народа, которые могут быть как позитивными, нейтральными, так и негативными)¹⁴.

В основном, подобные особенности этнического самосознания и приводят к закрытости и замкнутости этнической культуры, где – еще раз подчеркнем – это родство связано не только с кровной родственностью, но и общностью символической и культурно-языковой, порожденной опытом совместного проживания на определенных территориях, удобством совместной трудовой деятельности и различными взаимоотношениями с соседями. Специфической особенностью этнической культуры является опора на традицию и настроенность на воспроизведение принятых образцов жизненной активности – как в области поведения,

так и мышления. Эта культура консервативна, проявляет явное стремление к консервации и доминированию охранительных тенденций.

В рамках этнической культуры формируется психический склад этноса – специфический способ восприятия действительности и выражения отношения к ней через традиции, стереотипы поведения, ценности. Они проявляются через этнический характер и этнический темперамент, которые не зависят от психофизиологических особенностей отдельного человека, но являются культурно опосредованными и достаточно стабильными. Константность этого набора характеристик обусловлена климатическими, географическими, топографическими, историческими факторами, образом жизни, способами деятельности. К примеру, если говорить обобщенно и с большой степенью огрубления, южным этническим темпераментам присуща эмоциональность, открытость, общительность, оптимизм, северные же в большей степени характеризуются осторожностью, скрытностью, отсутствием склонности к быстрому эмоциональному сближению. Так, армяне, как отмечает М. А. Варданян, делают большой акцент на межличностных отношениях и стараются установить неформальные отношения в определенных кругах, что часто вызывает непонимание со стороны других этносов, привыкших к жесткой субординации¹⁵.

Все этнические культуры обладают ярким своеобразием, которое, однако, не гарантирует их сохранения при столкновении с иной культурой. Любая из них может подвергаться изменениям и развитию, но только в границах определенной системы. Культурное ядро или «центральная зона культуры» не подлежат воздействию, так как модификация этой несущей конструкции в жизни этноса неизбежно приводит к утрате тех особенностей, которые и позволяют этносу существовать в данном качестве. Подобная «жесткость» структуры этноса, не обладающего той пластичностью, которая могла бы способствовать его

бесконечным трансформациям, и является основной причиной хрупкости этих структур, не всегда обладающих достаточным потенциалом для противодействия нивелирующему влиянию иных или аналогичных общественных и культурных систем.

Стремление к самосохранению и расширенному самовоспроизводству, как отмечает С. А. Арутюнов, определяет стремление каждого этноса к экспансии, заполнению и расширению своей экологической и социальной ниши если не путем расширения этнической территории, то путем создания диаспоры. Однако диаспора, хотя и объективно способствует росту этноса, но тяготеет к ассимиляции с окружающими этническими группами. При этом осознание ограниченности пространственного и количественного расширения воспроизводства может привести к изменению стратегий по его выживанию за счет качественного улучшения самовоспроизводства – подъема образования, улучшения условий жизни. Вместе с тем, «любая тенденция к количественной депопуляции воспринимается любым этносом, как правило, крайне болезненно»¹⁶.

Иными словами, стремление к самовоспроизводству вынуждает этническую группу и этнос в целом вступать в различные отношения с иными этниями. При этом этническая идентичность, как отмечают ученые, способна изменять свою структуру, а сам человек, принадлежащий к определенной этнической группе, может отказаться от членства в ней и присоединиться к другому этническому сообществу. Кроме этого, в процессе взаимодействия с иными этническими группами, для усиления эффективности этого процесса, индивид неизбежно сталкивается с необходимостью трансформации своей социальной и этнической идентичности. Однако для подлинного диалогического взаимодействия с иными этническими образованиями на паритетных началах, для образования новых структур, ориентирующихся на качественно иной

уровень универсальности и подчиняющихся более общим принципам их объединения – таким, где собственное уникально-этническое может сочетаться с иными уникально-этническими основаниями без утраты каждым из участников этой коммуникации персональной специфики, необходимо включение этих культур в более крупные образования, подобные национальной культуре и основанные на иных способах идентификации.

Говоря о развитии этнических культур, необходимо осознавать, что возрождение традиций, языка, искусства этнических общностей является необходимым процессом, обеспечивающим и российской и мировой культуре многообразие и сложность. Однако на практике часто возрождение традиционных ценностей и культурных форм сопровождается нарочитой архаизацией культуры, подчеркиванием и выделением специфически-локального, противопоставляемого универсальному, намеренной консервацией элементов этнической культуры и этнического сознания, идеализацией ее наиболее консервативных элементов и форм. Поэтому представляется возможным говорить о том, что возрождение самих принципов, на которых основана этническая культура (закрытость, самодостаточность, консерватизм) и этническое самосознание (одним из проявлений которого является этноцентризм¹⁷), может привести к изоляции этний, их невозможности равноправно участвовать в культурном диалоге и развиваться в соответствии с требованиями современности. Для подобного развития необходимо объединение этнических культур под эгидой национальной культуры, как раз направленной на консолидацию всех субъектов коммуникации. При этом неповторимое своеобразие каждой из этнических культур становится условием создания «цветущей сложности» как ситуации взаимодействия и диалога.

- ¹ См.: Крюков М.В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // Советская этнография. 1986. №3. С. 67.
- ² Крюков М.В. Еще раз об исторических типах этнических общностей. С. 69.
- ³ См.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 45-58.
- ⁴ Сагитова Л. В. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // journal@iea.ras.ru. С. 3.
- ⁵ Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments, L. & N.Y., 1986. P. 121. Цит. по: Татарко А.Н. Взаимосвязь этнической идентичности и толерантности (на примере этнических групп юго-востока Башкирии). С. 17.
- ⁶ Татарко А.Н. Взаимосвязь этнической идентичности и толерантности (на примере этнических групп юго-востока Башкирии) // journal@iea.ras.ru. С. 14.
- ⁷ Гудков Л. Негативная идентичность. М., 2004. С. 99.
- ⁸ Сагитова Л. В. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // journal@iea.ras.ru. С. 12.
- ⁹ Варданян М.А. Психологическая трансформация этнической идентичности мигранта-армянина (на примере мигрантов-армян) // journal@iea.ras.ru. С. 3-4.
- ¹⁰ См.: Садохин А.П. Этнология. М., 2005. С. 153-155.
- ¹¹ См.: Крюков М.В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // Советская этнография. 1986. №3. С. 68.
- ¹² Этнопсихологический словарь. / Ред. В.Г. Крысько. М., 1999.
- ¹³ Gudykunst W. et al. Culture and interpersonal communication. SAGE publ. Beverly Hills 1988. P. 136. Цит. по: Татарко А.Н. Взаимосвязь этнической идентичности и толерантности (на примере этнических групп юго-востока Башкирии). С. 2.
- ¹⁴ Татарко А.Н. Взаимосвязь этнической идентичности и толерантности (на примере этнических групп юго-востока Башкирии). С. 2.
- ¹⁵ Варданян М.А. Психологическая трансформация этнической идентичности мигранта-армянина (на примере мигрантов-армян) // journal@iea.ras.ru. С. 3.
- ¹⁶ Арутюнов С.А. Этничность – объективная реальность // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 9.
- ¹⁷ Новейший философский словарь. С. 856.